

ВИЛЬЯМ КОЗЛОВ

ЮРКА ГУСЬ

ПАШКИН САМОЛЕТ

1

В руках у немца большая фарфоровая кружка. Он привез ее из Кельна. Лоб немца блестит, нос тоже. Он пьет из своей любимой кружки крепкий русский чай и смотрит на Пашку. Глаза у немца голубые, ресницы белые. Редкие светлые волосы зачесаны назад. Ворот мундира расстегнут, оттуда выглядывает кусочек белой рубахи с перламутровой пуговицей и пучок волос. Немец смотрит на Пашку без всякого выражения, и мальчик не знает, о чем он думает.

Пашка пьет чай из чашки с коричневым цветком и отбитым краем. Он старается не смотреть на немца. Глаза его прикованы к надписи на чашке: «XX лет РККА». Пашка

ждет, когда немец поставит свою кружку и можно будет выйти на улицу. Немец один не любит пить чай, только с Пашкой. Мать завтракает отдельно, у печки за маленьким кухонным столом. На ее худощавом лице играет жаркий отблеск. Мать каждое утро топит русскую печь и варит суп из концентратов и мясных консервов для немцев, а для себя с Пашкой сладковатую подмороженную картошку.

Немец немного говорит по-русски. Смешно коверкает слова. С матерью он разговаривает мало, а с Пашкой часто. Вот сейчас он осторожно поставит кружку на стол, вытрет губы большим, сложенным в несколько раз платком и, вздохнув, скажет: «Пафка, ты фольный птица, а я зольдат. Айн, цвайн, три! Пошагаль на работа».

Наверное, немцу надоела война, раз он так говорит. Он уже не молодой, лет под сорок. В брезентовой сумке у него маленький альбом. Вечерами он достает его, подолгу рассматривает фотографии и вздыхает. У немца остались в Кельне жена и дети. Младшему, Курту, столько же лет, сколько Пашке. Это он сказал матери. Пашке как-то и в голову не приходило, что у немцев тоже есть дети.

Пашкин отец и старший брат с первого дня на фронте. И никто не знает, живы ли они. Над столом в большой раме остались фотографии отца, брата и еще разных близких и дальних родственников. Немец однажды потыкал пальцем в фотографию отца — тот был снят в военной форме — и сказал: «Фатер фюет протиф нас?»

— На фронте, — сказала мать.

Немец велел убрать фотографию. Мать убрала ее, а Другую повесила, где отец снят не в военной форме.

Немцы пришли в село месяц назад. Почти вслед за нашими отступающими частями. Ворвались мотоциклисты и стали палить из автоматов, хотя им никто сопротивления не оказывал. В селе остались женщины, ребятишки да старики. Убили мать Васьки Сыча, бабушку Степаниду (ее угораздило в этот момент пойти за водой) и Пимена, колхозного конюха. Два дня постояли мотоциклисты в селе и укатили дальше. Два дня не умолкала стрельба. Немцы воевали с курами и поросятами. Пашка сам видел, как одна курица со страху поднялась выше старой березы и улетела в лес

Потом пришла другая немецкая часть. Эти немцы вели себя поспокойнее, чувствовалось, что они тут остановились надолго. Во дворе Пашкиного дома разместились радиостан-

ция. Потом она перекочевала за околицу, поближе к лесу. А один радист так и остался жить у них на квартире. Ровно в час дня он заявлялся обедать. Немец никогда не опаздывал.

Радист, который поселился в Пашкином доме, был ничего. Не орал и не дрался. А вот Сеньке Федорову не повезло. У них остановился унтер-офицер. Высокий и злющий, как черт. Он в первый же день ни за что ни про что ударил Сеньку. Орал на Сенькину мать, заставил ее зарезать теленка. И всего сожрал сам. Пашкин немец тоже любил поесть, но не жадничал. Один раз, когда был в хорошем настроении, дал матери банку мясных консервов и полбуханки черствого хлеба.

Немец поставил кружку на стол, убрал сахар в жестяную коробку, галеты завернул в бумагу и все это спрятал в вещевой мешок. Потом застегнул мундир и, взглянув на часы, сказал:

— Пафка, Москва не есть капут. Пока еще не есть капут-

Голубые глаза немца ничего не выражают. Он уже не смотрит на Пашку. Встает со стула и идет к вешалке. Там на гвозде висят его пилотка и карабин. Надевает пилотку, вешает на плечо карабин дулом вниз — как охотник. Немец рослый и широкоплечий. Скрипят половицы, когда он идет к порогу.

Три дня назад офицер в черном кителе с молниями на петлицах собрал людей у сельсовета и заявил, что Москва захвачена. И еще спросил, есть ли вопросы. Вопросов не было, и сельчане молча разошлись по домам. Наврал офицер — Москва, оказывается, не захвачена. Вальтер, так звали немца, который поселился у Пашки, весь день сидит на радиостанции и знает, что творится на белом свете. Надо добежать до Сеньки и сообщить ему, что Москва наша, советская. Всем бы надо об этом рассказать, но Пашке некогда. У него есть одно дело...

— Ура! — негромко сказал Пашка, покосившись на дверь, которую только что прикрыл Вальтер.

— Как там батяка? — вздохнула мать. — Под Москвой воевал...

— Не пустит их батя в Москву, — сказал Пашка. — Никто их туда не пустит...

— Дай-то бог...

В печи сварилась похлебка. Вода забурлила, пошла через край чугуна, зашипели угли. Пашка тянет носом вкусный мясной запах, смотрит на мать.

— Эх, тарелочку бы навернуть, — говорит он.

Мать достает чугунок, половником снимает красноватую накипь. Это суп для Вальтера. Он еще до конца не сварился, но Пашка рад и такому. Мать наливает в алюминиевую миску. Суп из консервов с жирными блестками, на дно тарелки виднеется кусочек мяса. Себе мать никогда не нальет. Хотя Вальтер и не заметит. Можно в суп воды плеснуть — и снова чугунок полный. Не хочет мать немецкого супа. А Пашка хочет. Вот уже скоро полгода, как он ни разу досыта не наедался. А брюху все равно чей суп, был бы наваристый.

Пашка, обжигаясь, ест. Мать молча смотрит на него. Отцовский полосатый пиджак висит на ней, как на вешалке. Морщины на ее лице понемногу разглаживаются.

Мать качает головой — нельзя. Вдруг догадается Вальтер? От немцев все можно ожидать. Вчера унтер-офицер Гюнтер — так, кажется, зовут его — чуть не застрелил Сеньку Федорова. Сенька нашел в траве красную звезду. Когда наши отступали, обронил кто-нибудь. Принес звезду домой и стал любоваться ею, а Гюнтер увидел. Раскричался на все село. Уже хватался за парабеллум, но Вальтер его остановил. Что-то сказал по-немецки, и Гюнтер, забыв про Сеньку, стал орать на Вальтера. Но парабеллум так и не вытащил. Пашка надел старенький пиджак, незаметно положил в карман бумажный пакет, спрятанный в старой калоше.

— Куда? — спросила мать.

— К обеду буду дома, — сказал Пашка. — Как штык,

— Ох, гляди, бедовая голова, добегаешься!

Пашка задержался на пороге.

— Зачем нам Вальтер про Москву сказал? — спросил он.

И, не дождавшись ответа, вышел в сени. Чуть погодя снова просунул в дверь давно не стриженную голову.

— Я ненавижу всех фашистов. И Вальтера тоже. Немцы ведь все фашисты?

И снова мать ничего не ответила. Она смотрела на пламенеющие угли и думала о муже и о другом сыне. Лицо у нее усталое и морщинистое. Где они сейчас? Живы ли?

Ни им письма не пошлешь, ни от них весточку не получишь. И когда, наконец, они погонят немцев с земли русской?..

— Когда?! — вслух спрашивает мать.

— Что «когда»? — говорит Пашка.

— Чтоб к обеду был дома, слышишь?

— Как штык, — говорит Пашка и захлопывает дверь.

2

Над почерневшей пожарной каланчой плывут облака. Они легкие, почти прозрачные и совсем не загораживают солнца. Над поселковым Советом вяло полощется немецкий флаг с черным изломанным пауком. У крыльца грузовая машина. На траве сидят и лежат солдаты. Мундиры растегнуты, рукава закатаны. Пилотки засунуты под ремни. Пашка давно обратил внимание, что немцы почти все светловолосые и рыжие. Черных мало. Солдаты жуют хлеб с маслом и прихлебывают из алюминиевых кружек. В поселковый Совет, где обосновалась немецкая комендатура, часто приезжают машины с эсэсовцами. Эти тоже незнакомые, — видно, утром прикатили из города.

Пашка делает крюк, чтобы не проходить мимо солдат. А то, чего доброго, остановят и начнут потешаться. Лопочут что-то по-своему и зубы скалят, будто никогда не видели русских мальчишек. Три дня назад вот так же остановили Пашку и стали с ним разговаривать. По-немецки болтают и ржут как лошади. А потом один, сухопарый такой, протянул кусок хлеба, намазанный чем-то, и велел есть. Пашка откусил кусочек и стал плевать. А они упали на траву и со смеху катаются. Вот сволочь этот сухопарый, — намазал хлеб солидолом.

Пашка идет вдоль заборов и по привычке барабанит рукой по тонким жердинам. Они поют на разные голоса. За изгородью растет лук, брюква, цветет картофель. А там, где все ушли из дома, ничего не растет. Трава и сорняки. Мальчишек на улице не видно. Сидят по своим дворам. Неохота нос высовывать на улицу. Пашке хочется забежать на минутку к Сеньке Федорову, но боязно. Вдруг этот Гюнтер дома? Как зыркнет своими глазищами, так мороз по коже. Дай ему волю, всех бы в деревне перестрелял и пере-

вешал. Ничего, вернутся наши. Пашка никогда не сомневался, что наши вернутся. И все будет по-прежнему. Над поселковым Советом снова будет висеть красный флаг с серпом и молотом. И школа откроется. Сейчас там немцы устроили вещевой склад. И по улице можно будет ходить не озираясь. Скорее бы приходили наши. Врут фрицы, что почти всю страну завоевали. Кукиш им под нос. И про Москву наврали. Наша Москва, советская!

Выйдя за околицу, Пашка сворачивает к лесу. Еще одно опасное место впереди: радиостанция. Огромный зеленый грузовик с антеннами стоит под соснами. Рядом большая пятнистая палатка. Возле радиостанции прохаживается часовая. А внутри с наушниками сидят Вальтер и еще три немца. На дню несколько раз приходит Гюнтер. Вот и сейчас слышен его раздраженный скрипучий голос. Он и на своих орет почему зря.

Как только часовая скрывается за палаткой, Пашка благополучно проскальзывает мимо грузовика и углубляется в лес. Теперь можно дышать свободно. Где-где, а в лесу ни одного немца не встретишь. Один раз, правда, в соседнюю деревню приезжали на трех машинах каратели. Несколько дней по лесу рыскали, выслеживали партизан, да никого не нашли. Не только немцы, свои-то партизан не видели. Говорили, что какой-то Сокол орудует в Серебровском районе. Так это шестьдесят километров отсюда. Эх, если бы партизаны были рядом! Пашка с Сенькой облазили весь лес, но ни разу на их след не попали.

По одним только ему заметным ориентирам Пашка пробирается в глубь леса. Солнце желтыми пятнами выстлало усыпанную хвоей землю. Под ногами потрескивают сучки. Боровой мох щекочет пятки. Поют птицы, дятел стучит. Над головой покачиваются вершины огромных деревьев. По кружевному листу папоротника ползет красная, в черных точках, божья коровка. Вот она доползла до самого верха, распахнула два маленьких крыла и улетела. Совсем как в мирное время. Издалека доносится знакомый гул. Пашка прикусывает губу: «юнкерсы»! Ползут бомбить наших. Полное брюхо набито бомбами. Каждый день пролетают над селом немецкие самолеты. А вот наших давно не слышно. Фронт отступил, и самолеты не появляются. Противно, когда над головой гудят «юнкерсы». Бомбить не будут, это теперь немецкая территория, а все равно неприятно.

На пути большая муравьиная куча. От нее, словно лучи, разбежались во все стороны узенькие муравьиные дорожки. Муравьи бегают по дорожкам взад-вперед. Пашка присаживается у кучи и наблюдает за насекомыми. Они тащат на себе сосновые иголки, тоненькие сучки, которые в несколько раз длиннее их, мертвых и живых букашек. Муравьям наплевать на войну, у них свои заботы. Пашка чувствует, как муравьи забежали по ногам. Он поднимается с корточек и идет дальше. Пашка не боится муравьиных укусов. Минуту пощиплет — и все.

Лес редет, сразу становится светлее и солнечнее. Сосны и ели уступают место березам, осинам. Стало больше папоротника. Меж белых стволов виднеется поляна. Пашка останавливается, поднимает с земли толстый сук и три раза стучит по березовому стволу. И замирает прислушиваясь. Через несколько долгих минут доносятся три глухих ответных удара. Пашка кладет сук на место, улыбается. Ему хочется припустить со всех ног, но он сдерживается и прежним неторопливым шагом выходит на залитую солнцем поляну.

На опушке стоит самолет. Он замаскирован зелеными ветками. Это истребитель. Винта нет, а с мотора снят кожух. Видны мускулистые пучки проводов и обмотки. Сквозь зелень поблескивает обшивка. У самолета стоит невысокий черноволосый человек. Он голый до пояса. За поясом торчит рукоятка пистолета. Лицо и руки в машинном масле. Человек машет Пашке и тоже улыбается. На траве, возле его ног, лопасти винта и куча других самолетных деталей.

Человек перешагивает через разбросанный металл и, заметно хромая, идет навстречу Пашке.

3

Они рядом сидят на траве. Солнце печет нещадно. Обшивка самолета нагрелась, пахнет авиационным клеем и бензином. Пашка одну за другой выкладывает из кармана пупырчатые картофелины. Летчик смотрит на мальчишку. В руках у него ромашка. Летчик вертит цветок в пальцах.

— А шурупы? — спрашивает он.

— Десять картофелин, — говорит Пашка. — И еще что-то есть...

— Без шурупов, Павел Терентьевич, мне крышка
Летчик без тени насмешки называет Пашку по имени и отчеству. И мальчишка не обижается, он привык. Пашка лезет в потайной карман и вытаскивает сломанную пополам немецкую галету и вывалянный в крошках маленький кусок сухой колбасы. Положив рядом с картошкой галету, подносит колбасу к самому носу и с наслаждением нюхает.

— У Вальтера отхватил... Из Германии или наша?

— Награбили, сволочи, — говорит летчик. — Мне и нужно-то этих шурупов штук двадцать.

— Ешь, — говорит Пашка.

— А ты?

— Я уже... Да ты не гляди на меня. Честное слово, подзакусил. Скажи, дядя Миша, а вот если кто-нибудь ест суп, который варят для немца, это как — плохо?

— Для кого? Для немца?

Пашка улыбается и снова запускает руку в другой карман. На ладони с десяток шурупов и винтов с гайками. Летчик бережно пересыпает шурупы в свою ладонь и с удовольствием шевелит пальцем. Он сразу повеселел.

— С этого бы, Павел Терентьевич, и начинал, — говорит он. — А то толкует про какой-то суп. Где наскреб?

— В танке, — отвечает Пашка. — Это который на краю оврага стоит. А башня шагов за двадцать валяется. Вот долбануло!

Летчик закопал в землю картофелины и на этом месте запалил маленький костер. Прогорит костер, и картошка испечется. Пашка в это время обошел самолет вокруг. Там, где появились новые заплатки, останавливался и критически рассматривал их.

...Этот истребитель приземлился здесь как раз в тот день, когда наши оставили село. Пашка и Сенька Федоров сидели в покинутой траншее и рассматривали брошенный солдатами станковый пулемет. Он был весь покалечен. Только дуло целое. Они уже собирались вылезти из траншеи, но тут услышали разноголосый самолетный гул над головой. То и дело раздавались неторопливые пулеметные трели. Они казались совсем не страшными там, в небе. Если бы сюда не доносился гул орудий (фронт проходил стороной, километрах в пяти от села) да по проселочной дороге не двигались колонны беженцев и поредевшие воинские части, можно было подумать, что там, высоко в небе,

маленькие самолетики затеяли веселую игру. Они смешно гонялись друг за дружкой, делали мертвые петли, и приглушенные пушечные выстрелы и пулеметная стрельба казались ненастоящими.

Но вот один черный самолет отделился от всех и, все сильнее завывая, пошел в сторону железнодорожной станции. Он скрылся за вершинами сосен, а немного погодя гулко ухнуло, и в небо поднялся столб огня и дыма.

— «Мессер» клюкнулся! — сказал Сенька.

Забыв про пулемет, ребята с азартом наблюдали за воздушным боем. Хоровод самолетов то удалялся от них, то снова приближался. Вот еще отвалил один самолет. На этот раз наш. Он шел носом прямо в лес, но не упал. Над самыми деревьями вышел из штопора и снова взвился ввысь. Но тут показался из-под крыла дым, и самолет, развернувшись, снова пошел над лесом. Он не упал, а затерялся где-то в деревьях. Пашка и Сенька долго ждали взрыва, но лес стоял молчаливый и тихий.

В этот день они так и не отправились разыскивать самолет.

В село вступили немцы. Не до розысков было. Пашка до сумерек просидел в подполе. Не только его загнала туда автоматная стрельба. Кошка спасалась от немцев в подполе и петух, неизвестно каким образом попавший сюда. Он, нахохлившись, сидел на кадке из-под огурцов и помалкивал. А во дворе был боевой, первый задира. Петух оказался с головой. Не зря забился в подпол. Четырех куриц подстрелили немцы во дворе.

На следующий день Пашка огородами пробрался к приятелю.

Сенька сидел на поленнице дров и ковырял в носу. Одна скула у него стала вдвое больше другой. Глаз заплыл.

Контузило? — спросил Пашка.

— Фашист проклятый, — сказал Сенька. — Все равно я его не боюсь... Эх, почему мы с тобой не нашли наган или гранату?

— Пойдем в лес?

Пашка не успел ответить: на крыльце показался Гюнтер. Он был в зеленых галифе и майке. На плече полотенце.

Сенька мигнул: дескать, отрывайся, пока цел. Пашка бросился за угол дома, а Сенька пошел к колодцу, поливать фашисту из кружки.

Пашка один отправился в лес. Там часа через полтора и обнаружил самолет. Он был немного помят, хвост поко-режен, погнут винт, кое-где лопнула обшивка, но стоял на колесах, как полагается. Летчика не было видно.

Пашка решил, что он отправился разыскивать своих. Он вскарабкался на крыло и залез в кабину. Потрогал штурвал, потыкал пальцем в поблескивающие зелеными и белыми стрелками приборы.

Вдруг небо над головой пропало, стало темно. Незнакомый голос громко произнес:

— Попался, мародер?!

Пашке сразу стало весело. Голос-то наш, русский!

— Ты летчик, — сказал он. — Я видел, как тебя вчера сбили.

— А вот и врешь, — сказал летчик, отступая от света. — Никто меня не сбивал. Летел над вашим лесом, гляжу — поляна подходящая... Земляника растет, такая крупная. Дай, думаю, приземлюсь да попробую весенние ягоды.

— Попробовал? — спросил Пашка, разглядывая летчика.

— Отвел душу, — сказал летчик.

Он был молодой, темноволосый, глаза насмешливые. На небритой щеке ссадина, голова перетянута бинтом. Кожаная куртка распахнута, шлем засунут в карман. У колена болтается планшет с зеленой картой.

— Решил, значит, раскурочить моего «ястребка»? Рас-тащить по кирпичику?

— Все равно немцы бы разломали...

— Много их в деревне?

— Хватает, — сказал Пашка.

Летчика звали Михаилом Абрамовым. Он попросил Пашку никому не говорить, что видел самолет в лесу. Ни матери, ни друзьям. И еще попросил, чтобы Пашка принес ему инструмент, какой найдет дома, и разных винтов и шурупов. Он попробует отремонтировать самолет и улететь к своим. Были бы запчасти, он бы в два дня поставил машину на ноги. А так придется повозиться. Другого выхода нет. Немцы не заметили, где самолет совершил вынужденную посадку, а в лес ходить они не большие любители.

Каждое утро Пашка приходил к нему. Приносил кое-что поесть, все больше картошку и лук. Летчик сильно ото-щал, но не унывал. И, ремонтируя машину, напевал: «Что

же ты, моя старушка, приумолкла у окна?» Дальше он, наверное, слов не знал и продолжал мурлыкать мотив. Пашка любил смотреть, как он орудует отверткой и клещами, забравшись почти до половины в мотор.

Один раз, когда они оба работали, на пень вскочил заяц и стал смотреть на них. Одно ухо от любопытства поднялось торчком. Пашка первый заметил зайца.

— Гляди, косой! — прошептал он.

Михаил отвел рукой прядь со лба, посмотрел на зайца. Косой все еще сидел на пне и шевелил ушами. Пашка прикинул, что с этого места его можно достать тяжелыми клещами. Если точно бросить.

— Шарахни в него? — сказал он.

Михаил улыбнулся и покачал головой.

— Это удивительный заяц, — сказал он. — Кругом война, а он, смотри, не дрейфит. Храбрец! Не будем его убивать ладно, Павел Терентьевич?

— Пусть живет...

Этого зайца Михаилу хватило бы на три дня. И вот пожалел. А потом, хоть заяц и близко сидел, можно было и промахнуться.

На другой день Пашка принес Михаилу курицу. Он прикончил ее в чужом огороде. Пашка рассудил так: эта курица теперь не наша. Хоть она и живет у кого-то во дворе, ее в любой момент может немец сожрать. Пусть лучше съест летчик. Курицу они съели вдвоем. Летчик соорудил вертел, и они изжарили ее на костре. Вкусная получилась курица. Уже сколько дней прошло, а до сих пор приятно вспомнить.

Недавно Михаил сказал Пашке, что работы осталось на два дня. Там, где обшивку прихватил огонь, он поставил брезент. Без шурупов брезент не хотел держаться. Шурупов нужно было очень много. Пашка бродил по окрестностям и отвинчивал отверткой разные детали и винты с покалеченных танков, автомашин.

Пашке очень хотелось, чтобы Михаил поскорее починил самолет. И немного грустно было: улетит Михаил на своем заплатанном истребителе, а он, Пашка, останется один. И не нужно будет ему больше приходить в лес, не нужно разыскивать детали и шурупы.

Как-то Пашка спросил Михаила:

— А двоих твой самолет подымет?

Михаил воткнул отвертку в землю, присел на почерневший пенек.

— В тылу тоже, брат, несладко... Ну, а мать твоя что скажет?

— У тебя и места-то нет, — сказал Пашка. — Один еле влезаешь.

— На крыло посажу... Не помрешь со страху?

— Маму жалко, — сказал Пашка. — А их все равно скоро прогонят. Скоро, дядя Миша?

— Прогонят, — ответил Михаил. — Побегут, Павел Терентьевич, только пятки засверкают.

Пашка посмотрел на Михаила.

Щеки летчика заросли черной щетиной, от ссадины остался припухлый красноватый шрам. Повязку он недавно снял, и на лбу тоже заживал рубец. Стукнулся головой при посадке. А вот ушибленная нога не проходила.

В этот день они долго задержались у самолета. Михаил работал, не разгибая спины. Пашка помогал ему. Подавал инструмент, детали, которые летчик, протерев масляной тряпкой, привинчивал на место.

В лесу тихо. Не слышно птиц. Даже дятел, лесной работяга, не стучит своим железным носом по стволу. Длинные тени от деревьев перечеркнули поляну. Пашка дня три собирал сушняк. Вон какой ворох сложил под сосной. Михаил, прихрамывая, измерил шагами расчищенную площадку. По тому, как он шевелил губами, что-то подсчитывая, и хмурил брови, Пашка понял, что площадка маловата. Дальше идет лес. Деревья не будешь спиливать. Но зато там, где самолет должен будет разбежаться, площадка хоть куда — ни единого камня или пня.

— Взлечу, черт побери! — сказал Михаил.

Выходя из леса, Пашка встретил Вальтера и Гюнтера. Он хотел было свернуть с тропинки, но было поздно. Гюнтер что-то сказал Вальтеру по-немецки и остановился, загроживая Пашке дорогу.

— Пафка, — спросил Вальтер, — где ты ходил?

Пашка молчал. Он смотрел на Гюнтера, и мурашки ходили по его спине.

Длинный Гюнтер стоял на дороге, широко расставив ноги в сапогах с короткими широкими голенищами. Из желтой кобуры, сдвинутой к животу, торчала коричневая рукоятка парабеллума. Белые пуговицы на мундире мато-

во сияли. Гюнтер что-то прокаркал по-немецки и нетерпеливо шевельнул плечом.

— Тебя мать посылала... как это... в другой деревня?

Пашка кивнул головой. Глаза у Гюнтера светлые, а ресницы белые и короткие. Нос большой и горбатый.

Вальтер по-немецки стал говорить Гюнтеру. Он два раза произнес Пашкино имя. Гюнтер отвернулся от Пашки и с усмешкой стал отвечать Вальтеру.

— Пошел вон! — резко сказал Вальтер Пашке.

Пашка отпрянул в сторону и побежал к околице. Рукой он прижимал к груди спрятанный за пазухой кожаный шлем с наушниками, который ему подарил Михаил.

4

Пашка нервничал. Ерзя на табуретке, он смотрел, как пьет чай Вальтер, и ругал про себя немца. Не может побыстрее, тянет из своей паршивой кружки в час по чайной ложке. Свой чай Пашка давно выпил и теперь вертел пустую чашку в руках и ждал, когда кончит чаепитие Вальтер. Но немец не спешил. Он никогда не спешил. Звучно прихлебывая, смотрел мимо Пашки, в угол. Глаза Вальтера ничего не выражали.

«А вдруг без меня улетит? — подумал Пашка. — Даже не попрощаемся...»

Вчера вечером дядя Миша сказал, что он сделал все, что мог. Если мотор заведется, то он попытается взлететь с этого чайного блюдечка, как он назвал расчищенную площадку. Конечно, хорошо бы попробовать мотор. Но испытывать двигатель в трех шагах от немцев — это значит крикнуть: «Я здесь, хватайте меня!» Если мотор заведется — не медля ни секунды взлететь. Лишь бы оторваться от земли, а там... небо. Миша ходил вокруг самолета, не веря, что все сделано. Истребитель стал пятнистый, как олень. На хвосте и боках зеленели брезентовые заплатки.

Честно говоря, Пашке не верилось, что «ястребок» взлетит. Уж очень он жалко выглядел.

И обросший черной бородой Михаил больше походил на лесного бродягу, чем на летчика. Синие галифе его во многих местах продырявились, кожаная куртка обобра-

лась, лишь желтая планшетка с картой была как новенькая. Вчера вечером Михаил надел ее через плечо.

Вальтер убрал продукты, стряхнул крошки с брюк. Пашка вскочил было из-за стола, но Вальтер еще не встал. И Пашка, хотя немец ему ничего не сказал, сел на место. Солнце заглядывало в окно, и нос Вальтера блестел. Фарфоровая кружка тоже блестела. На ее сияющем боку виднелась стершаяся надпись на чужом языке.

— Пафка, — сказал Вальтер, — фойна — это плёхо. Фойна — это не игрушка. Зачем ты играешь ф фойну?

«Неужто пронюхали?!» — испугался Пашка. Но потом сообразил, что если бы немцы узнали про самолет, то Вальтер с ним так бы не разговаривал. И вообще они не дома за столом бы сидели, а в другом месте. И разговаривал бы с ним сам Гюнтер.

— Я не играю, — сказал Пашка.

Мать бросила очищенную картофелину в чугунок и хмуро посмотрела на сына. Она тоже подозревала что-то.

— Не ходи ты в лес, — сказал Вальтер. — Там есть партизан.

«Ладно, ладно, — подумал Пашка, — кончай разговоры и уматывай!» А вслух сказал:

— Какие там партизаны... У нас даже медведей нет.

— Маленький малыш в лес незачем ходить. Сидеть дома.

Вальтер снял с гвоздя пилотку, карабин и, погрозив Пашке пальцем, ушел.

Немного подождав, Пашка поднялся из-за стола. В дверях стала мать.

— Сиди дома, — сказала она. — Неча судьбу пытаться. Слышал, что он толковал? Хочешь, чтобы на первой березе повесили? Им это раз плюнуть.

Пашка плаксиво сморщился:

— Не видишь, у человека брюхо схватило? На двор хочу!

Мать отступила от двери, и Пашка пулей выскочил за порог. Чувствуя, что за ним наблюдает мать, он действительно мимо грядок пошел к уборной. И там притих возле щели. Как только мать прикрыла за собой дверь в избу, он вышел из уборной и по огородам двинулся к лесу. Пашка решил сделать большой крюк, чтобы не проходить мимо радиостанции. Он вышел к речке и пошел вдоль бе-

рега совсем в другую сторону. И как только антенна радиостанции скрылась из глаз, напрямик через луг побежал к лесу. Ему казалось, что самолет вот-вот зарокочет и поднимется в воздух. А расставаться с дядей Мишей не попрощавшись было очень обидно. И потом, он нес еду. Вчера вечером Пашка решился на крайность: развязал мешок Вальтера и взял оттуда банку консервов и пачку галет. Кажется, пока обошлось. Не обнаружил Вальтер пропажу. А позже может хватиться. Он всегда с вечера отдавал матери продукты.

Но до вечера еще далеко, и Пашке не хотелось думать об этом. В лесу ждет дядя Миша. Удивляется: почему Павла Терентьевича все нет и нет? Чудак этот дядя Миша, называет Пашку по имени и отчеству. И серьезный при этом, даже не улыбнется. Пускай зовет, если нравится. Пашке все равно.

Пашка не заметил, как с быстрого шага перешел на бег. Скрываясь в кустарнике, за которым начинался сосновый бор, он наконец свободно вздохнул: «Проскочил!»

5

Пашка наколол ногу. Маленький острый сучок впился в ступню. Присев на седой колючий мох, Пашка стал вытаскивать занозу. И вдруг он услышал какую-то возню в ближних кустах и приглушенный говор. Немцы!

Пашка упал грудью на мох и пополз. Он ожидал оглушительных выстрелов сзади, криков «хальт!», но лес за спиной молчал. Мох царапал подбородок, сосновые иголки залезали под рубаху, а Пашка, стиснув зубы, полз и полз. Один раз ему показалось, что позади треснула ветка. Пашка боялся оглянуться, иногда у него возникало такое ощущение, что сейчас вот-вот наступят ему на пятку тяжелым солдатским сапогом. Сердце бухало на весь лес. Пашке нужно было поползти до толстой сосны, а там он нырнет в заросли ольшаника и скроется. Там бурелом, и его никто не догонит. Добравшись до сосны, Пашка вскочил на ноги и во весь дух бросился бежать по лесу. Он петлял между толстых стволов, с разгона влетал в колючий разлапистый ельник. Он слышал, как треснула рубаха. Ветви хлестали по лицу, царапались, но он не ощущал боли.

Уже совсем недалеко от лесной поляны, где стоял самолет, Пашка на секунду остановился: погони нет. Только заяц мог бы поспеть за ним. Или волк. Там, где он проскочил через бурелом и завалы, непривычному человеку так быстро не пробраться. И потом никто так хорошо не знал этот лес, как Пашка. Разве что еще Сенька Федоров. Кто же возился в кустах? Не медведь же? Медведи не умеют разговаривать...

Выскочив на опушку, Пашка не стал стучать палкой по стволу. Он увидел самолет и Мишу, который в застегнутой куртке стоял у крыла и смотрел на него. Пашка ничего не успел сказать, Миша и так сразу все понял. Он скребнул пальцем по бороде и полез в кабину. Планшет болтался в ногах, мешал ему. Пашке казалось, что он очень долго забирается.

— Немцы! — хрипло крикнул Пашка. — Близко!

— Отойди от винта, — сказал летчик. — Эх, мать родная, была не была.

Лицо у Миши бледное, губы крепко сжаты, глаза блестят. Он что-то делал руками в кабине. И вот Пашка увидел, как лопасти винта дрогнули, пошевелились. Тоненько, со свистом запел стартер, лопасти дернулись и остановились. Миша что-то проговорил сквозь сжатые зубы, Пашка не расслышал. Еще раз лопасти дернулись и замерли. И лишь на третий раз винт закрутился. Все быстрее и быстрее. И вот уже ничего не слышно и не видно, кроме раскастистого рева и радужного диска вращающегося винта. Волосы на Пашкиной голове встали торчком. В лицо саданул ветер. Миша что-то кричал и показывал рукой на конец площадки. Пашка ничего не понимал. Прошел страх, и он стоял счастливый и смотрел, как самолет, покачивая латаными крыльями, покати к краю поляны. Пашка бежал на почтительном расстоянии и улыбался. А Мишка все продолжал что-то кричать и показывать куда-то рукой. И лицо у него было отчаянное. «Вот чудак, — думал Пашка. — Должен ведь знать, что из-за мотора ничего не слышно, а еще летчик!» Но ему не хотелось огорчать Мишу, и он кивал ему головой: дескать, все в порядке, полный вперед!

Истребитель развернулся. Хвостом он почти упирался в ствол огромной ели. Перед ним взлетная площадка. Сейчас Миша даст газ до отказа, и самолет помчится. Только бы не зацепил Миша крылом или колесами о макушку сос-

ны, которая возвышалась на другом конце площадки. А за сосной лес. Если проскочит над сосной, лес не страшен ему. Об этом они толковали вчера.

Миша почему-то не давал газ. Он больше не кричал, а смотрел на Пашку, и глаза у него были странные. Будто он вдруг раздумал взлетать. Миша с высоты своего сиденья видел то, чего не видел Пашка. Миша видел, как к поляне продирались сквозь кусты немецкие автоматчики. Он насчитал их больше десяти.

И лишь когда Миша вытащил пистолет, Пашка сообразил, в чем дело. Он еще не видел немцев, они были у того дерева, по которому он бил палкой, предупреждая летчика о своем приходе. Понял Пашка, почему Миша медлит. И понял, что дорога каждая секунда. И тогда Пашка подбежал к самому крылу и закричал:

— Улетай! Быстрее улетай!

Миша тоже ничего не слышал. Когда крутится пропеллер, никто ничего не слышит.

Показались немцы. Они выскочили на поляну и остановились, вытаращив глаза на самолет, и тут Миша хлестнул навстречу им из крупнокалиберного пулемета. Пашка видел, как посыпались на землю сучья и куски коры. Самолет ударил не по немцам, а по деревьям. Наклон крыла не позволял стрелять иначе. Немцы не побежали к самолету. Они разделились на две маленькие группы и лесом пошли в обход. Немцы не знали, что пулемет может бить только по деревьям.

Когда первая пулеметная очередь прогремела у Пашки над ухом, он бросился в сторону. Пашка не видел, что Миша, перегнувшись через борт кабины, протягивает ему руку. И лишь увидев, что мальчишка скрылся в лесу, Миша тронул машину с места. Когда раздались автоматные очереди, самолет был уже на середине поля.

Миша не зацепил за сосну. Он был хороший летчик. Взлетев, он сделал вираж и снова показался над поляной. Он видел огненные вспышки автоматных очередей. Слышал, как дробно защелкали по фюзеляжу пули. Миша искал в лесу знакомую рубашку Пашки, но мальчика даже с такой высоты было не видно. Зато Миша видел, как в ту сторону, куда побежал Пашка, кинулись солдаты. И тогда он сыпанул по ним из пулемета. Три раза прошел летчик над поляной, и три длинных очереди распороли небо над головами

немцев. Тех, кто не успел укрыться за деревьями, пули швырнули на землю.

— Утек, — разговаривал сам с собой летчик. — Конечно, утек... Пашка проворный... Не такой он малец, чтобы его поймали...

Боеприпасов было в обрез, горючего лишь бы дотянуть до линии фронта, но Мише не хотелось улетать. Он жадно выискивал глазами юркую фигурку мальчика.

Солнце просвечивало деревья. Видны были даже черные пни, муравьиные кучи. Группа немецких автоматчиков углублялась в лес. Подождав, когда они вышли на просвет, Миша полоснул по ним из пулемета. Очередь резко оборвалась.

Кончились боеприпасы.

— Эх, Павел Терентьевич... Паша, — сказал летчик. — Знал бы, что такое дело, — на плечи тебя посадил...

На душе у летчика было тревожно.

Залатанный брезентом истребитель покачал крыльями и, взяв курс на передовую, пошел над лесом, набирая высоту. На хвостовом оперении, словно флаг, хлопал сорванный ветром кусок брезента. Ветер оказался сильнее Пашкиных шурупов. Но эта дыра в самолете была не опасной.

6

Может быть, Пашка и убежал бы. И никто не догнал бы его. Пашка быстро бегал. Но разве мог он далеко уйти? Он должен был своими глазами увидеть, как поднимается в воздух Миша. Отбежав от поляны метров триста, Пашка залег за кустами. Это были волчьи ягоды. Они еще были зеленые, и слабый ветер шевелил ветви с ягодами над Пашкиной головой.

Близко строчили автоматы, слышались крики немцев. И все заглушал мощный рев мотора.

Пашка не выдержал, не мог он сидеть здесь и слушать, как расстреливают из автоматов истребитель. А что, если самолет уже подбит? Миша ранен? Один сидит в кабине, а солдаты ползут по поляне, они хотят взять летчика живьем... «Вот так друг, — думает Миша про Пашку, — убежал как заяц, бросил меня в беде...»

Пашка поднялся и пошел к поляне. Все ближе крики

немцев, пальба. Рев самолета оборвался и запел на другой ноте. Поднялся! В воздухе звук мотора совсем иной, чем на земле. Задрав голову, Пашка не спускал глаз с синего квадрата неба.

Он был уверен, что самолет обязательно покажется в этом просвете между деревьями. И он ждал. Гул мотора стал тише, яростно застрекотали автоматы, ругань немцев стала громче. Пашке показалось, что он узнал каркающий голос Гюнтера. И тут снова послышался гул самолета. С неба раздалась пулеметная очередь.

— Лупи по гадам! — ликовал Пашка, обнимая толстую ель. — Эх, бомбу бы... Одну, маленькую!

И Пашка увидел истребитель. Он совсем низко прошел над головой, как раз посередине синего окна. На крыльях две красные звезды. Он как бы наискосок перечеркнул это окно. Шасси истребителя были не убраны. Миша говорил, что здесь отремонтировать шасси невозможно. Ничего, долетит и с неубранными ногами. Пашка сел на землю и тихонько засмеялся. Он даже не почувствовал, что сел на еловую шишку. Это он, Пашка, помог летчику подняться в воздух. Прилетит Миша на нашу территорию и расскажет, как они с Пашкой ремонтировали самолет. И летчики скажут: «Ай да Пашка, молодец!»

Пашка страха не ощущал. Он сидел прислонившись спиной к ели и радовался. Он совсем забыл про немцев. Даже не обратил внимания, что вдруг стало совсем тихо. Вершины высоких сосен чуть заметно покачивались, окно то становилось больше, то немного меньше. Откуда-то приплыло маленькое облако. Оно не спешило, это облако. И Пашка решил: как только облако уйдет из синего квадрата, он поднимется и тоже уйдет. Он пойдет прямо по лесу. Он будет идти день, ночь и еще день. А потом обязательно встретит партизан. Расскажет им про летчика, и они примут его в отряд.

Облако наконец скрылось. Пашка поднялся и пошел в глубь леса. Он почувствовал в карманах тяжесть. Это ведь консервы и хлеб. Так и не успел он передать Мише продукты. Ничего, долетит до своих, там досыта накормят. В другом кармане лежал кожаный шлем. Пашка не оставил его дома. Не хотелось ему расставаться с подарком летчика. Он вытащил шлем и надел на голову.

И вдруг Пашка замер на месте: из-за ствола вышел

Гюнтер с пистолетом в руках. Он остановился напротив и, по привычке покачиваясь на длинных ногах, уставился на Пашку. Парабеллум тускло светился. Маленькое черное отверстие обнюхивало Пашку. Гюнтер молчал, и это было страшно. Пашка привык больше слышать Гюнтера, чем видеть. Так же молча вышли из-за деревьев еще несколько немецких автоматчиков. Автоматы были прижаты к животам. Среди них Пашка увидел и Вальтера. Его автомат висел на шее. Мундир расстегнут, рукава закатаны. К смятому погону прицепился корявый сучок. Пашка смотрел на этот сучок и равнодушно думал: «Сейчас он увидит свои консервы и хлеб...» И еще Пашка подумал, что пусть его лучше здесь повесят на сосне, а не в деревне на березе. И пусть мать не узнает об этом, а то будет плакать. Пашка посмотрел на сосну и во второй раз за сегодняшний день испугался. Не надо его вешать на сосне. И на березе не надо. Он ничего такого не делал. Он хочет жить. Хочет видеть это — небо и деревья. И облака. Он еще маленький. Ему всего четырнадцать лет. Таких убивать нельзя. Пашка перевел глаза с Вальтера на Гюнтера и зажмурился. Гюнтер не размахиваясь ткнул его кулаком в лицо. Пашка упал и тотчас почувствовал сильный удар в бок... Лежа на земле, он видел большой запыленный сапог. Сапог, как маятник, уходил и приходил. Когда он приходил, Пашка закрывал глаза и прикусывал губу. Потом увидел возле самого лица много сапог. Сапоги двигались, наступали на еловые шишки, вдавливали их в мох. Над головой слышалась немецкая речь. Больше не били.

Потом отряд шел по лесу. Гюнтер впереди, немного сбоку, за ним солдаты. Пашка плелся между солдатами и Вальтером, который тяжело шагал за ним. В голове шумело, иногда перед глазами вспыхивал радужный круг из голубоватых искр. Спина немецкого солдата маячила впереди зеленым пятном. Постепенно Пашка приходил в себя. Он почувствовал вкус крови во рту. Ныли зубы. Пашка языком дотронулся до передних зубов, они шатались. «Сапогом выбил, гад... — подумал Пашка. — Или кулаком?» И тут же забыл про зубы.

В деревню ведут. Что будет дальше, он представлял совершенно отчетливо: его приведут на площадь перед бывшим поселковым Советом, соберут людей и повесят на перекладине, прибитой к двум березам. На той самой, на кото-

рой повесили Григорьева, секретаря сельсовета, и пленного командира.

Пашка озирался по сторонам. А что, если шмыгнуть в кусты? Страшно. Вальтер выстрелит из автомата в спину... А вдруг, когда будут вешать, он станет плакать? Люди будут смотреть на него и жалеть... А мать... Нет, он не будет плакать! Пашка вспомнил, как вешали лейтенанта. Он был весь избит, без одного уха, руки связаны за спиной. Перед тем как ему накинули петлю, он успел плюнуть в лицо офицеру, а солдата ударил ногой в живот.

До деревни осталось километра два. Здесь к ним приккнула вторая группа. На носилках, сделанных наспех из тонких берез, вспотевшие солдаты тащили раненых и убитых. Ай да Миша! Прочесал из пулемета... Пашка поймал взгляд Гюнтера: глаза немца стали такими же белыми, как алюминиевые пуговицы на мундире. Гюнтер положил руку на парабеллум и что-то скомандовал. Немцы двинулись дальше.

Сзади тяжело наступает Вальтер. Ему жарко в кителе. Слышно, как он дышит. И сучья щелкают под его сапогами громко, как будто стреляют из мелкокалиберной винтовки... А Миша уже, наверное, приземлился. Вот рады его товарищи! Думали, что Миша погиб, а он жив-живехонек. А Пашке становится немного легче. Он представляет лицо Миши, его черную бороду, веселые блестящие глаза. А здорово он под самым носом у фрицев вывернул в небо. Пашке кажется, что все это когда-то было. Самолет, поднимающийся в воздух, немцы, бегущие вслед за ним и стреляющие из автоматов... Где же это было и когда?

Шумно вздохнул за спиной Вальтер. Жарко. И остальным немцам жарко. Особенно тем, которые тащат раненых. Они растянулись по лесу длинной цепочкой. Впереди маячит зеленым пятном солдат. Он снял пилотку и засунул в карман. Светловолосая голова у него вытянута огурцом. А Пашка идет в шлеме. Сначала Гюнтер стащил с него шлем и хлестал им по лицу, а потом снова напялил Пашке на голову. Гюнтер хотел привести Пашку в деревню во всей красе. Вот, дескать, полюбуйтесь на партизана! И вдруг Пашке почудилось, что Вальтер дотронулся до его плеча. Пашка повернул голову и увидел лицо своего квартиранта. Вальтер был весь мокрый. Пот течет из-под пилотки. На висках мокрые дорожки. Вальтер кивнул в сторону леса.

У Пашки заколотилось сердце: неужели?! Нет, ему показалось. Он снова смотрит сбоку на немца. И снова тот показывает на лес: не раздумывай, беги! Пашка переводит взгляд на Гюнтера. Унтер-офицер шагает впереди. Его узкая спина туго обтянута зеленым сукном. Он в фуражке и потому кажется еще длиннее. Позади Вальтера, отстав шагов на десять, идут солдаты с носилками. Автоматы болтаются у них на шее.

Приближается большая куча сушняка, а за ней кусты. И деревья стоят там плотной стеной, если и стрелять будут — не попадут. До сушняка шагов двадцать. Если Гюнтер не оглянется, надо бежать... Десять шагов до кучи, пять...

Гюнтер все-таки оглянулся. Он видел, как мальчишка метнулся за кучу валежника. Выхватив парабеллум, Гюнтер бросился за ним.

А Пашка летел как на крыльях. Он сорвал с головы шлем и бежал, размахивая им. Сейчас кончатся кусты, вон уже совсем рядом красноватые стволы сосен. В просвете деревьев сверкнула паутина...

Пашка не слышал выстрела. Ему вдруг показалось, что он налетел на дерево и липкая паутина облепила его лицо. Пашка хотел поднять руку и сорвать паутину, и тут все завертелось: небо отпрыгнуло в сторону, а земля ринулась на него. И последнее, о чем подумал мальчишка, лежа вниз лицом, что мох совсем не колючий, он мягкий и нежный как пух...

Два немца остановились над Пашкой, Гюнтер нагнулся и попытался выдернуть шлем из мальчишкиной руки. Но мертвый Пашка крепко держал в сжатом кулаке подарок летчика.

1968 г

